

А.Н. Толстой в воспоминаниях М.В. Неуструевой. Часть 2. Алексей Николаевич и Мария Васильевна

© 2024, М.А. Перепелкин

Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького,
Самара, Россия

Самарский национальный исследовательский университет
им. Академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено в Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00699 «А. Толстой как зеркало российской истории и культуры советского времени» (<https://rscf.ru/project/24-28-00699/>).

Аннотация: Настоящая публикация фрагментов воспоминаний М.В. Неуструевой (1885–1961) является продолжением публикации мемуаров, представленных в предыдущем номере журнала. Переехавшая в 1909 г. в Петербург, мемуаристка поступила на Бестужевские курсы и сделалась активной участницей и посетительницей самых разных литературных, художественных, артистических и других салонов и обществ, в которых она встречалась со многими известными деятелями искусства. Некоторые из этих встреч, а также — свое продолжающееся знакомство со вчерашним самарцем А.Н. Толстым она описала в мемуарах, являющихся уникальным документом, по-новому раскрывающим и жизнь столицы, увиденную глазами недавней провинциалки, и — Толстого, чье восхождение к славе хоть и началось совсем недавно, но было уверенным и становилось изо дня в день все более интенсивным. Во вступительной статье, предваряющей публикацию, раскрываются некоторые биографические аспекты жизни А.Н. Толстого, на фоне которых разворачивались описанные М.В. Неуструевой события.

Ключевые слова: А.Н. Толстой, М.В. Неуструева, Петербург, культурная жизнь 1910-х гг., Религиозно-философское общество, общество «Старый Петербург», Академия художеств, студенческие вечера.

Информация об авторе: Михаил Анатольевич Перепелкин — доктор филологических наук, директор, Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького, ул. Фрунзе, д. 155, 443010 г. Самара, Россия; профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. академика

С.П. Королёва, ул. Московское шоссе, д. 34, 443086 г. Самара, Россия; научный сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, наб. реки Фонтанки, д. 15, 191011 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

E-mail: mperpelkin@mail.ru

Для цитирования: Перепелкин М.А. А.Н. Толстой в воспоминаниях М.В. Неустроевой. Часть 2. Алексей Николаевич и Мария Васильевна // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 106–137. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-106-137>

Во фрагментах воспоминаний М.В. Неустроевой, которые предлагаются вниманию читателей в данной публикации, сразу несколько героев, первый из которых — это А.Н. Толстой, прежний «Лёша», а нынешний «Алексей Николаевич», с которым жизнь снова и снова сталкивала мемуаристку, заставляя её узнавать и не узнавать вчерашнего самарского реалиста и товарища, новоявленную петербургскую знаменитость и яркого представителя столичной богемы. Вне всяких сомнений Толстой — главный, но не единственный герой публикуемых ниже мемуаров. Потому что кроме Толстого почти таким же важным и заметным героям является в этом тексте Петербург начала 1910-х гг., вероятно — одного из самых интересных во многих отношениях периода истории российской искусства и культуры. И есть, наконец, в этих мемуарах ещё один герой — может быть, не столько заметный, как два других, но выстраивающий все разрозненные смыслы в одну целостную систему, и этот герой — сама мемуаристка, вчерашняя «Маничка», как называл её Толстой, нынче превратившаяся в Марию Васильевну, не только жену, но и мать троих детей, будущего учёного-химика, заботливую невестку и бабушку. Скажем несколько слов о каждом из этих героях.

Осенью 1907 года А.Н. Толстой «совершенно забросил свои занятия в Технологическом институте, куда он просто перестал ходить» [2, с. 58]. Между тем, как вспоминала позже С.И. Дымшиц, «для окончания института ему оставался только дипломный проект. Его товарищи-студенты целой делегацией явились к нему, пытаясь образумить заблудшего. Но Алексей Николаевич твёрдо решил отаться искусству и покинул Технологический институт как окончивший без защиты диплома» [2, с. 58–59].

В январе 1908 года он уехал из Петербурга в Париж, где познакомился с М. Волошиным, К. Бальмонтом и другими, а уже в августе писал отчиму в Самару о том, что «за последние две недели» ему

был устроен «ряд триумфов»: «Волошин, Бальмонт, Вал. Брюсов, Минский, Вилкина, Венгерова, Ольштейн сказали, что я оригинальный и крупный талант, я не хвастаюсь тебе, потому что талант есть что-то сидящее вне нас, о чём можно говорить объективно. Мои вещи они устраивают в разные журналы... Если бы ты слышал мои вещи, то мог бы гордиться, что вместе с мамой охранил от злых влияний и сохранил и вырастил цветок, которым я обладаю» [7, т. 1, с. 131].

Вернувшись в начале 1909 года в Петербург, А.Н. Толстой становится сотрудником «Аполлона», лето вместе с С.И. Дымшиц проводит в Коктебеле у М. Волошина, а в 1910 году заключает первый литературный договор и начинает посещать «среды» Вячеслава Иванова, бывает у А. Ремизова, Ф. Сологуба, С. Городецкого, в доме которого знакомится с Александром Блоком. Его произведения печатают журналы «Аполлон», «Новая жизнь», «Новый журнал для всех», альманах «Шиповник», газеты «Русское слово», «Утро России» и другие (см.: [9, с. 128–132]), в издательстве «Шиповник» в конце 1910 года выходит первый том «Повестей и рассказов», удостоенный среди прочих одобрительного отзыва М. Горького, который в письме к М.М. Коцюбинскому обратил его внимание на книгу Толстого, подчеркнув, что «собранные в кучу, его рассказы еще выигрывают. Обещает стать большим, первостатейным писателем» [3, с. 182].

Отдельно следует сказать несколько слов о том, как складывались в эти годы взаимоотношения А.Н. Толстого с Самарой и с отчимом, А.А. Бостром, хоть и не прямо, но безусловно влиявшие на то, как складывалось общение вчерашнего самарца Толстого с напоминавшей ему о самарской юности и знакомых М.В. Неуструевой.

Как известно, в июле 1906 года не стало матери А.Н. Толстого — Александры Леонтьевны Толстой. С этого момента медленно и верно начали обостряться и взаимоотношения юного ещё Толстого с отчимом, А.А. Бостром, которые и до этого были не всегда одинаково ровными, но А.Л. Толстая, пока была жива, старательно сглаживали все острые моменты, заботясь о сохранении между мужем и сыном мира и взаимопонимания¹.

¹ Следы одного из таких намечающихся крупных конфликтов в отношениях А.Н. Толстого с отчимом сохранило одно из писем юноши, написанных ещё до июля 1906 года. «Милый папа! Я был очень огорчён и изумлён твоим письмом, особенно тем местом, где ты говоришь о разрыве будто бы произошедшем у нас с тобой. Во-первых, мне очень досадно, и я искренне извиняюсь за тон моего письма. Но если бы ты знал обстоятельства его писания, то не придал бы ему никакого значения. Дело в том, в 24 минуты однажды вечером я, тётя и Юлия решили нанять квартиру, а не комнату, как предполагалось. Всё это было решено и обсуждено с молниеносной быстротой, было послано за обойщиком, тётя принесла нам свои ненужные вещи и т. д., и т. д. Я впопыхах сел писать письмо, не подумав предварительно, что ты

В первое время после скоропостижной кончины матери, А.Н. Толстой, оглушённый, как и его отчим, этой потерей, ещё старался сохранить хрупкий мир между ними, делясь в письмах новостями о политике, литературной жизни и собственном творчестве, и даже присыпая в Самару стихи «для отзыва». Но тон этих писем день ото дня начинает всё же стремительно меняться, обозначая скорый окончательный разрыв. Так, в октябре 1906 года А.Н. Толстой начал одно из писем отчиму — первое или одно из первых после того, как не стало матери — следующим образом: «Хотя ты мне и не пишешь, но всё-таки я не думаю, чтобы ты обиделся, а если и так, то я вовсе не хотел обижать тебя» [1, с. 239]². А вот начало другого письма, написанного в ноябре того же 1906 года: «Милый папочка! Ты, наверное, недоумевал и сердился за моё долгое молчание, но писать мне было как-то очень тяжело» [1, с. 241]. И — в декабре: «Я думаю, что ты исполнишь мои просьбы, мне же ехать в Самару теперь было бы слишком тяжело. Я втянулся в занятия, в общественную жизнь, поездка выбила бы меня надолго из колеи. Я знаю, что поступаю нехорошо по отношению <к> тебе, но ты извинишь меня, не правда ли?» [7, т. 1, с. 122].

не видишь всей той поспешности нашего приготовления. Так что ты прав, что я не заметил тона письма, но по совершенно другой причине, как ты думаешь. Что же касается разрыва, то его нет и не может быть. Какое мне дело до Рожанских в данном случае, я совершенно не касаюсь их симпатий и антипатий, как они не касаются моих. Ты меня упрекнул в том, что я забыл человека, заменившего мне восемнадцать лет отца. Неужели ты обо мне такого плохого мнения? Нет, я никогда не забуду того, что ты для меня сделал. И всегда останусь для тебя самым верным и преданным другом. Так что, папочка, оставьте и забудьте то, что мне писали и станем по-прежнему друзьями. Целую тебя и маму» (Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького. Книга поступлений-150; далее — СЛМ. КП).

² Причина этой первой серьёзной размолвки между А.Н. Толстым и его отчимом становится ясна из письма последнего: «Твоим приездом в Самару ты, действительно, огорчил меня, и вот, главное, почему. Тогда, тотчас после этого ужасного события, я был, как манекен. Хотя приезд <...> чужих людей, этот необходимый и никому не нужный ритуал <...> я двигался, я работал хотя бы по чьему-то велению, по инерции. Я не чувствовал в себе человека. И только после <...> очень припомнилось, как один вечер ты провёл со мной. Тебе хотелось поговорить о том, что обоим нам дорого, о нашей потере — а я не мог тогда. И вот потом у меня явилась страшная потребность, а тебя уже не было тогда, и я мечтал о Рождестве. Мне только хотелось тебе это сказать, но я не упрекаю тебя, что ты не приехал. Я охотно допускаю, что тебе <непереносимо> было приехать сюда, быть может, даже я отчасти виновник тому. Ты не мог угадать, что происходило во мне, и моё состояние мог объяснить иначе. Мне было больно вспоминать, как я грубо, резко возразил тебе, когда ты заговорил, что хочешь собрать мамины литературные произведения. Прости меня, я был неправ. Но пойми, мне казалось, что у меня отнимается последняя связь, то, что не может умереть и то разрывается, — и я не рассудив, как следует, — зароптал. Потом я понял, что я был не прав, и что я тебя обидел» (РГАЛИ. Ф. 494. Оп. 1. Ед. хр. 150).

В мае следующего, 1907 года, А.Н. Толстой пришлёт в подарок отчиму свою первую книгу — «Лирика», сопроводив её такой дарственной надписью: «Дорогому моему папочке, мой первый труд, зеркало души моей за три месяца, посвящаю. А. Толстой. Пусть книжка эта напомнит тебе мамочку, вложившую в меня ту искру, которая горела в ней таким горячим чистым пламенем. 1907 года 17 мая»³. Чуть позже, летом, он же, хоть, может быть, и не совсем искренне и покровительственно-играючи, но напишет следующее: «Мне хотелось бы с тобой списаться. Тебе будет веселее. А почему бы тебе не переехать жить в Питер? Здесь теперь вырастают новые силы, готовится новый громадный ток для тысячекратного урожая. Велика русская литература, замкнута и беспокойна» [1, с. 242].

В Питер А.А. Бостром, естественно, не переехал, и «списаться», как видно, не получилось тоже, потому что в октябре–ноябре 1907-го А.Н. Толстой снова начнёт очередное письмо к отчиму с сетований на собственное молчание:

Милый папочка! Несмотря на долгое неписание, я всё время думал о тебе, и всегда сжималось сердце о твоём одиночестве. Ты, конечно, спросишь, почему я не приехал или не писал. Если бы ты знал ту огромную перемену во всей моей жизни, которая произошла за весь этот год, совершенно перевернула мои мировоззрения, этику, отношение к людям и к жизни, то, может быть, дорогой папочка, ты <бы> немного смягчился. Я знаю, как тяжело было тебе и маме видеть, как труды их по созданию моей личности разлетелись, как пыль, после моей женитьбы. Но ведь это только кажущееся. Прошло пять лет, и вот год тому назад я зачеркнул эти пять лет и стал продолжать то, что вы создали, и на чём произошла остановка пять лет тому назад. Словом, учитывая теперь прошлое, вижу, что ни одно слово ваше не прошло, не заложив во мне следа, не было толчка, который бы я не признал полезным. Всё, что я достиг, обязано твоему и маминому воспитанию. Это я теперь определённо и ясно понял. Теперь я уже достиг многоного в литературе и личной жизни [1, с. 243–244].

И снова в письме возникает тема Петербурга: «Мне бы так хотелось поговорить с тобой и очень много рассказать. Но, милый папочка, если бы ты мог приехать сам в Петербург! Дело в том, что я сейчас редактирую еженедельный литературный журнал и не смо-

³ СЛМ. КП-154.

гу уехать дольше пяти дней, а в середине декабря нужно непременно ехать в Париж. Взял и собрался <бы> ко мне в Питер» [1, с. 244].

На этот раз А.А. Бостром в Питер также не собрался, а в начале 1908 года в его жизни произошло событие, существенно скорректировавшее взаимоотношения с пасынком: Бостром женился. Его женой стала классная надзирательница самарской 2-ой женской гимназии⁴ Е.А. Виноградова, венчание с которой состоялось 25 января 1908 года в селе Рождествено Сызранского уезда Симбирской губернии, на правом берегу Волги. Венчание отчима должно было оставить не самый приятный осадок на душе у пасынка Бострома: как известно, последний не был обвенчан с его матерью, оставленной при разводе с графом Н.А. Толстым «во всегдашнем безбрачии», и в продолжении почти четверти века А.А. Бостром и А.Л. Толстая жили невенчанными, убеждая самих себя и тех, кто был рядом с ними, в том, что венчание — это совсем необязательный пережиток, дань общественному мнению. Теперь же, спустя всего полтора года после кончины А.Л. Толстой, Бостром не просто привёл в дом другую женщину, но — обвенчался с ней, впервые в жизни став законным супругом.

Последнее обстоятельство вновь скорректировало и без того не очень надёжный и постоянно меняющийся статус А.Н. Толстого, который не мог не осознавать и, скорее всего, переживал то обстоятельство, что из пасынка пусть не законной, но единственной женщины, в своё время пожертвовавшей для Бострома социальным положением, материальным благополучием, детьми и т. д., теперь он превратился в не очень понятного сына любовницы и сожительницы человека, который ныне находится в законном браке с другой женщиной⁵.

Разумеется, ко времени брака отчима с Е.А. Виноградовой А.Н. Толстой был уже достаточно взрослым человеком, который сам

⁴ См.: Памятная книжка Самарской губернии на 1910 год. Самара, 1909. С. 81.

⁵ В письмах к тётке, М.Л. Тургеневой, написанных в это время, Толстой жаловался на неискренность в отношениях с отчимом, ставших ещё более неискренними и натянутыми после брака с Е.А. Виноградовой. В ответных письмах тётка пытаясь по-своему анализировать причины этой натянутости и примирить племянника с переменами в жизни его отчима: «Про А<лексея> Ап<оллоновича> что пишешь — знаешь, Александра, когда человек несчастен, он всегда будто что скрывает, и это чувствуется. А может тяжело, что не может уплатить тебе, — вот и выходит неискренность и натянутость. Не добра <...> солено она ему, эта Екатерина, приходится, а сознаться трудно, что ошибся. Говорят “было счастье — не ищи другого”, и верно: другой мамы не найдёшь. Не оттого, что сестра она мне, а душа её чистая была! Уж и баловала она его очень, всё по его делала» (РГАЛИ. Ф. 494. Оп. 1. Ед. хр. 155).

А.Н. Толстой, 1910 г.

(«Милому папе в память всего хорошего, что было между нами и для такого же будущего. Гр. Алексей Н. Толстой. 27.V.1910». СЛМ. КП-295

А.Н. Толстой, С.И. Дымитри и неизвестный, около 1911 г. СЛМ. КП-282

М.В. Неуструева и С.С. Неуструев, 1906 г. Личный архив И.Ю. Неуструевой

Мария Прохорова, 1890-е гг. Личный архив И.Ю. Неуструевой

М.В. Неуструева, Самара, 1926 г. Личный архив И. Ю. Неуструевой

М.В. Неуструева, Ленинград, 1954 г. Личный архив И. Ю. Неуструевой

имел опыт супружеских отношений и скорого развода, но, будучи мужем и отцом, он не переставал быть сыном и должен был остро переживать и всю гамму сыновних чувств тоже.

Отныне мысли об одиночестве отчима больше не будут тревожить А.Н. Толстого, который теперь не станет звать его в Питер, а в редких письмах в Самару появятся приветы и поклоны его новой жене Екатерине Александровне. Иногда в этих письмах ещё будут проскальзывать отдалённые намёки на былую близость, особенно — когда речь вновь будет заходить об А.Л. Толстой («...мне очень хочется посетить мамину могилу. О её смерти до сих пор я не могу вспомнить, и всё кажется тяжёлым сном, хотя времени прошло так много»)⁶, но в целом тон писем к отчиму тоже заметно изменится — письма станут гораздо короче, более деловыми и менее искренними.

На охлаждение между А.Н. Толстым и отчимом, наступившее по семейным обстоятельствам в жизни последнего, наслаждались причины и другого порядка: юный Толстой чем дальше, тем всё отчётливее осознавал глубокую разницу в мировосприятии отчима и своим собственным, в восприятии людей и искусства и т. д., и теперь эта разница начинала всё больше казаться ему непреодолимой пропастью. Вот, например, что он писал в июне 1908 года из Парижа: «Ты мне пишешь, папочка, очень мрачно относительно значения искусства, но ты вспомни или, вернее, найди в библиотеке у себя старую книгу Некрасова с надписью, она очень красноречиво опровергнет твой пессимизм, конечно, временный, потому что я постараюсь растормошить тебя, когда приеду в Самару» [1, с. 246]⁷. А это — сентябрь того же года:

...мне очень хотелось поговорить с тобой, теперь у нас диаметрально противоположные исходные точки зрения. Ты натуралист, я всё сильнее укореняюсь в мистике, в тайне слова, как создателя и не только символа, но истинного бытия предметов видимых и простым, и астральным зрением. Многое хотелось рассказать тебе о современной литературе, о скульптуре; всё это время мы жили

⁶ СЛМ. КП-108.

⁷ Отвечая на этот упрёк пасынка, А.А. Бостром попытался сгладить всё новые и новые острые углы, возникающие в их отношениях: «Ты пишешь, будто я не придаю значения искусству. Что ты, разве может быть, чтобы я так написал? Искусство, после науки, первый двигатель прогресса. Бессспорно. Я думаю только, что наибольшую пользу искусству может приносить тот человек, который кормится не от него, ибо забота о куске насущном лишает человека свободы, мешает бескорыстному служению искусству. Эти соображения, вероятно, сидели в моей голове, когда вылилась в письме моём фраза, которую ты принял за отрицание с моей стороны значения искусства» (РГАЛИ. Ф. 494. Оп. 1. Ед. хр. 150).

в среде художников и поэтов, в той среде, которая в Петербурге только в зачатке в избранных кружках. Много пришлось пережить и весёлого, и грустного, и серьёзного, перевидать всякие и фокусы жизни, и извращения, и красоты; теперь всё улеглось в памяти, встало каждое на соответственное место. И двуликим предстал передо мной человек, одно лицо его повседневное, что видим на всех, серая помятая маска ничтожества, бездушная, из папье-маше, дурно раскрашенная, а другой — божественный лик, сияющий солнечной красотою, редко увидеть можно его, у многих он, как пупырышек маленький на шее торчит, но есть и такие у которых всё место он занимает, и тогда радостно верить в человечество, в красоту, в музыку жизни... И познал я философию, мудрое слово «желать», всегда желать, когда достигнешь, желать большего, и другое слово — любить. И так ясно представились слова Христа в этом синтезе двух слов: не о будущем ли человечестве говорил он, не указал ли исход из не- бытия, хаоса, рабства духовного двумя словами этими, не вооружил ли человечество мечом и солнцем — желанием и любовью? Вот мне радостно, что с тобой могу говорить, не опоздал ещё сказать тебе, всю жизнь работавшему во имя любви и долга, что теперь я понимаю то, что раньше скрыто было, оценить могу тебя, и грустно, что поздно сказать это мамочке; всегда тяжело, что умерла она, видя свою единственное сердце нераскрывшимся красоте, чёрствым. Вот это никогда не прощу ни себе, ни Рожанским, которые, безусловно, одни сделали столько вреда и мне, и тебе, и маме [1, с. 248–249]⁸.

Как видим, в последнем письме А.Н. Толстой ещё стремится найти точки соприкосновения с отчимом, быть услышанным и понятым им, и даже находит внешнюю причину, виновную в их наметившемся разладе, назначив на эту неблаговидную роль семейство Рожанских. Однако с каждым днём всё яснее будет становиться другое — дело не в Рожанских и ни в чём ином, кроме самих себя: «Стремления наши (умственные) разошлись. Правда. Ты возлагаешь все упования на позитивные науки, — меня они не удовлетворяют. Если бы я был оптимистом, я бы удовлетворился, может быть, точным знанием

⁸ Получив это письмо, А.А. Бостром снова попытался найти компромисс в отношениях с пасынком: «Дорогой Лёля, сегодняшний день принёс мне два отрадных письма <...> Это — письмо от тебя и письмо от Сытина. Твоё письмо такое милое, такое душевное, сказать не могу, да, обидно, горько, обидно, что не могу показать этого письма нашей незабвенной... Знаешь, Лёля, я готов впасть в мистицизм, мне сдаётся, что она оттуда читает его, и радостная улыбка на её лице. Дорогой мой, хорошее у тебя сердце. Это такая редкость!» (РГАЛИ. Ф. 494. Оп. 1. Ед. хр. 150).

и верой в будущее торжество ума. Но т~~ак~~ к~~ак~~ от позитивизма я ещё недалеко ушёл, то отношусь к нему враждебно и, может быть, недобросовестно, а к твоим идеям без интереса. Но всё это пока, конечно. Потому что, я полагаю, в соединении позитивной науки и мистики — правда. Вот, папочка, поверь мне, причины, из-за которых вышло у нас недоразумение» [7, т. 1, с. 149].

В декабре 1910 года А.А. Бострома поразило новое горе: умерла Е.А. Виноградова. Письма А.Н. Толстого в Самару, написанные в это время, снова полны нежности к отчиму и сочувствия к нему:

Милый, дорогой мой папочка! Меня как громом поразило твоё письмо. Я не знаю даже, как утешить тебя, но я очень тебя понимаю и с тобой всей душой. Мне кажется, тебе навсегда нужно покинуть Самару: продай дома, ничего, если с убыtkом, и переезжай в Петербург. Здесь ты найдёшь и людей, и занятие себе по душе, Шуру отдашь в гимназию. Ведь это покойницкая какая-то эта Самара. Там безмерно тоскливо. А ты ещё сильный человек и телом, и духом, и тебе ещё много жить. Сделай, пожалуйста, так. Сначала приезжай сюда. Я бы непременно собрался к тебе, но Соня беременная и отлучиться мне сейчас нельзя, так как на днях она переходит в православие, и мы женимся. <...> Поверь мне, папочка, в Самаре ты не создашь себе семьи; слишком ещё живы будут воспоминания мамы и Екатерины Александровны. А здесь ты найдёшь себе и семью, и любовь. Во всяком случае, приезжай, мы поговорим. <...> Меня так тронуло и обрадовало, что ты почувствовал мою дружбу и любовь и обратился ко мне в горе. Когда я представляю себе ту обстановку, в какой застал тебя тогда, через год после смерти мамы, зимой, мне становится ужасно тяжело и жалко тебя: ведь это бездольность какая-то. Именно этого тебе теперь надо избегать [1, с. 251].

Однако А.А. Бостром и на этот раз не послушал пасынка, по-видимому, внутренне осознавая, что все его сочувствия и желание разделить горе утрат — сиюминутны, а уехав из Самары, он будет оторван и от дорогих могил, и от людей и дел, с которыми его связывали долгие годы жизни. Что же касается Толстого, то он трактовал «настырство» отчима по-своему — как нежелание принять его участие и впустить в мир своих переживаний. Так или иначе, но будущий окончательный разрыв назревал, и его развязка была уже не за горами, что прекрасно почувствовала и М.В. Неуструева, сформулировавшая свои смутные ощущения лаконичной фразой: «На лицо Толстого как тень набежала».

Что касается А.Н. Толстого и его взаимоотношений с литературным Петербургом 1910–1911 гг., они прекрасно проанализированы Е.Д. Толстой в книге «Ключи счастья. Алексей Толстой и литературный Петербург», без которой уже невозможно представить ни науку о Толстом, ни картину литературной жизни Петербурга первых десятилетий XX века. Тщательно проанализировав, «как Толстой, начинающий писатель, входил в круг петербургских авангардных литературно-театральных и художественных поисков 1910-х годов, подвергался влияниям, находил свои собственные темы и жанры, сближался и расходился с учителями и друзьями — и в конце концов покинул этот круг» [11, с. 9], исследовательница решила очень важную задачу: показала стремительное и трудное превращение вчерашнего провинциала в художника первой величины, всем обязанного самому себе и своему таланту. Яркой иллюстрацией к наблюдениям и выводам Е.Д. Толстой являются, на наш взгляд, и мемуары М.В. Неуструевой.

Здесь следует отметить, что ретроспективный взгляд в ее воспоминаниях дает себя знать: мемуаристка и преувеличивает прикованность внимания литературного Петербурга начала 1910 года к фигуре А.Н. Толстого, и педалирует черты распада «декадентской» культуры, акцентируя внимание на «девиациях любви» в тройственном союзе Мережковского, Гиппиус, Философова и предпочтениях М.А. Кузмина. Последний представлен идущим под руку с «юношой, украшенным косметикой», что мало правдоподобно на многолюдном ученом-литературном собрании, в описании которого явно угадывается Петербургское Религиозно-философское общество. Последнее играло заметную роль в интеллектуальной жизни северной столицы в 1907–1917 гг., чего мемуаристка не могла не знать или хотя бы не ощущать, но, изображая это общество по прошествии многих лет, она делает это несколько шаржированно, преувеличивая одни детали в портретах участников и посетителей и умалчивая о других.

И, наконец, в заключение несколько слов о самой мемуаристке. Как уже было сказано во вступительной статье к 1-й части публикации [5, с. 95–96], над своими воспоминаниями она работала в середине — второй половине 1950-х гг., спустя десятилетие после войны, которую от первого до последнего дня пережила в блокадном Ленинграде, вначале оставаясь хранителем лаборатории в Ленинградском электротехническом институте им. В.И. Ульянова (Ленина), а позже — налаживая работу химической лаборатории на заводе «Красногвардеец». На наш взгляд, это обстоятельство пусть и не впрямую, но самым значимым образом отразилось на стиле её

воспоминаний, отборе фактов, оценках, которые она даёт разным людям и событиям и т. д.

Процитируем фрагмент воспоминаний внучки мемуаристки, И.Ю. Неустроевой, так рассказавшей о своей бабушке в годы войны:

Бабушка была истощена, работала и не имела сил ходить к нам пешком с Петроградской стороны. Телефонов у нас и у неё не было, и мы поддерживали связь перепиской. Сохранилось её письмо моей маме, написанное 12 января 1942 года. Оно очень достоверно описывает факты из жизни тех дней.

«Многоуважаемая Ольга Николаевна⁹, новогодняя посылка (с тёплыми носками и пр.), посланная мною Юрику¹⁰ (нашему папе. — И.Н.), пришла обратно. На ней наклейка с надписью того же военного экспедитора (по-моему, Ершова): «Доставить невозможно». К сожалению, эту наклейку не отодрать от мешочка, а то бы я Вам её послала с письмом — так ли я её прочла.

Кроме того, на почте (Б. Пушкарская, 35), где принимались посылки в Действующую армию, вывешено извещение, что с 28-ХII-41 всякий приём частных индивидуальных посылок в действующую армию прекращён. Только от учреждений и коллективов принимают подарки. Очень беспокоят меня 30-градусные морозы в связи с перемещением Юрика. Очень прошу Вас, напишите мне, что Вам о нём известно.

Т<ак> к<ак> это почтовое отделение вблизи Ситного рынка, заходила я туда в надежде приобрести что-либо съестное. (В столовой получила сегодня суп из целлюлозной лапши.) На деньги удалось только купить за 35 рублей кусочек студня из столярного клея. Но несмотря на своё самое голодное состояние, могла съесть только ½ этой пакости — так от неё воняет прелой подошвой.

Спции — лавровый лист и проч<ее> продаются только с принудительным ассортиментом: пакетик лаврового листа + графин + масса совершенно ненужной посуды, и всё это за 200 рублей! Вообще, на рынке фантасмагория, вышедшая за пределы всех нормальных представлений: маленький кусочек сахара за две пачки папирос. Масса баракла и полное отсутствие продуктов.

Возвратилась я домой с ужасной головной болью, болью в сердце, измёрзшая, и решила не предпринимать больше столь

⁹ О.Н. Михайлова (1896–1980) — жена Ю.С. Неустроева, дочь писателя Н.Г. Гарина-Михайловского.

¹⁰ Ю.С. Неустроев (1907–1941) — сын М.В. Неустроевой, муж О.Н. Михайловой.

бесполезных путешествий. К счастью, нашла у себя сушёные корки от мандаринов, измолола их в муку и делаю прекрасное печенье: 1 ложка цедры, 1 ложка целлюлозной муки, 1 ложка ячменного кофе, 1 ложка воды + тоненький ломтик хлеба; все это перетирается в однородную массу и пекётся на сковородке.

На неделю мне этого питания хватит. Луковые перья, которые мне вся квартира собирала в мирное время как краситель, тоже источник витаминов: связанный пучочек их кипячу в супе. Проживу, сколько полагается. Главное, как внучки? Здоровы ли? Есть ли питание? Будьте добры, напишите. Шлю всем привет».

Приписки на полях этого письма:

«Зарплату получила за 1-ю половину декабря. Ставка прежняя (ассистент со стажем — 600 р.), но я получила 192 рубл.

С наслаждением читаю Диккенса и играю Чайковского, полное сочинение которого купила накануне войны. Пусть, если суждено умереть, последние дни пройдут в соприкосновении с великими...».

После войны бабушка работала ассистентом на кафедре неорганической химии в 1-м медицинском институте в Ленинграде, много времени уделяла общественной работе, особенно художественной самодеятельности студентов, обучала их пению, устраивала музыкальные вечера у себя дома. Посещала театры, филармонию, художественные выставки. В 1950-е годы её избирали депутатом Петроградского районного Совета, причём жила она в той же коммунальной квартире, что и в блокаду. Награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»¹¹.

К воспоминаниям о юности и об А.Н. Толстом М.В. Неуструева приступит через десять лет после войны (и после кончины А.Н. Толстого в феврале 1945-го), но, работая над ними, она всегда будет помнить о том, что Петербург начала века и блокадный Ленинград — это один и тот же город, по улицам которого когда-то она неслась на рысаках со вчерашним Лёшней, а нынешним Алексеем Николаевичем, и здесь же, на этих же улицах, погибали десятки и сотни тех, кому тоже выпало быть их современниками и от чьего имени она теперь рассказывала про всю свою жизнь — «от юности до старости».

¹¹ Блокада глазами очевидцев. СПб.: Остров, 2019. Кн. 7. С. 272–273.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М.В. НЕУСТРУЕВОЙ

В 1909 году Неуструевы (М^{ария} В^{асильевна} с мужем) переехали в Петербург.

Здесь началось умственное пробуждение М^{арии} В^{асильевны}. Она с жадностью набросилась на посещение всяких лекций, докладов, посещала театры, концерты, стремилась к знакомству с новыми людьми. В 1910 году поступила на Бестужевские курсы, где слушала все лекции, на какие только успевала: кроме своих программных слушала лекции по литературе, по философии знаменитых тогда профессоров С.А. Венгерова¹, Овсянико-Куликовского², Введенского...³ Но всего этого ей казалось мало: раскрывая утром газету, она прежде всего искала — где и что сегодня? По вечерам мчалась на лекцию в Соляной Городок слушать Макс^{има} Макс^{имовича} Ковалевского⁴ (ничего не понимала, но вид маститого учёного вдохновлял её). Чета Филатовых⁵ ввела её в литературно-философское общество на Гороховой, где легальные марксисты сражались с богоискателями⁶. Там М^{ария} В^{асильевна} встретила много людей с высокой культурой, с большим образованием. Среди них с особым вниманием относился к М^{арии} В^{асильевне} седой старик д^{октор} Герценштейн⁷. Это льстило ей.

В один из вечеров Герценштейн усадил М^{арии} В^{асильевну} в первом ряду, представив ей драматурга Невежина⁸, а сам ушёл на сцену и занял место в президиуме. Древний драматург был горд тем, что в его пьесах выступала знаменитая Мар^{ия} Ник^{олаевна} Ермолова⁹ («На зыбкой почве», «Друзья детства», «Блажь» и др.). Старец взял покровительственный тон и убеждал М^{арии} В^{асильевну} брать у него уроки правильной русской речи, его шокировало её волжское оканье: «Я не только еврейский акцент исправляю, я даже у семинаристов произношение исправляю! У меня школа красноречия, сударыня!» — хвастался драматург. Он был завсегдатаем об^{щества} и знал всех. М^{ария} В^{асильевна} было интересно по его указанию смотреть на людей недоступного ей круга: «Вот этот рыжий — Пётр Струве¹⁰, марксист», — при этом Невежин укоризненно покачал головой. «А этот, с большой бородой — брат поэта Батюшкова¹¹... А это — писатель Кондурушкин¹², недурные рассказы пишет... Ах, на этого безобразника не смотрите, сударыня!». М^{ария} В^{асильевна} с нескрываемым любопытством смотрела, как поэт Кузмин¹³ вёл под руку юношу, украшенного косметикой... «Писатель Андрей Белый...»¹⁴ — подобострастно зашептал

драматург. — Этот облезлый? — изумилась М^{ария} В^{асильевна}. — «Ах, сударыня, это умница! Философ! Мыслитель! У него здесь, — драматург коснулся своей лысины, — с-о-к-р-о-в-и-щ-е, сударыня». Для убедительности он страшно выпучил глаза.

— А этот, высоченный, кто?

Старичок ответил небрежно: «Ах, Философов...»¹⁵.

— Тот, что пишет в «Речи»?¹⁶

— Да, пишет, — снисходительно бросил драматург и, ехидно осклабившись, продолжал: «Ну, конечно, и Мережковский и Зинаида Гиппиус... Изволили ли, сударыня, читать трилогию Мережковского?»¹⁷.

— Да, конечно, мне очень понравился «Леонардо да Винчи»... (Трилогия «Христос и Антихрист», «Леонардо да Винчи» и «Пётр I» тогда были модные книги, о них много говорили, и не знать их считалось неудобным).

— А-а, Толстой соблаговолил появиться...

М^{ария} В^{асильевна} со свойственной ей живостью вскочила и обернулась на зал:

— Где Толстой?

Она так давно не встречала А.Н. Толстого, что забыла его и при звуке этой фамилии в её представлении возник образ великого писателя земли русской Льва Толстого. Увидеть его было её мечтой: ведь мать её, Олимпиада Леонтьевна, беседовала с ним, была у него в Ясной Поляне, а М^{ария} В^{асильевна} даже не видела его.

Драматург был окончательно шокирован: «Сударыня, что Вы делаете? Сядьте ради Бога! На Вас смотрят, Вы как девочка!...».

М^{ария} В^{асильевна} послушно села, а драматург сурохо нахмурился. Но М^{ария} В^{асильевна} горела желанием увидеть Л. Толстого и тихо, на ухо соседу прошептала:

— Где же Толстой?

— Ну, где ему быть, в буфете, наверное...

— А где буфет? — простодушно спросила она.

— Ах, сударыня, слушайте же доклад! На Вас смотрят...

Действительно, сидевший в президиуме д^{окто}р Герценштейн пожирал глазами раскрасневшуюся М^{арии} В^{асильевну}, его интриговало, чем этот дряхлый старик привёл её в такой раж?

В перерыве Герценштейн подошёл к М^{арии} В^{асильевне}: «Кто это Вас так заинтересовал?». Вместо ответа она потребовала: «Проведите меня в буфет!».

— В буфет? — с недоумением поднял брови Герценштейн и сразу засиял: «С превеликим удовольствием!».

В буфете Герценштейн, заняв столик, взял шампанского, и литератор В.Н. Филатов сразу оказался за их столиком, а М^{ария} В^{асильевна} всё искала глазами Льва Толстого и не находила. Настроение её упало, всё стало скучным и неинтересным. По окончании прений она быстро простилась с соседями и твёрдо сказала: «Я прошу Вас не провожать меня».

В гардеробной была сплошная толпа всякого народа. Но вот толпа расступилась. «Толстой!» — шептали рядом. Навстречу М^{арии} В^{асильевне} в николаевской шинели, небрежно накинутой на плечи, в блестящем высоком цилиндре шёл А.Н. Толстой.

— Маничка, как Вы сюда попали?

— Лёша!.. Алексей Николаевич!..

— Одевайтесь скорее, поедемте вместе, дайте Ваш номер. Поехаем... Поговорим о жизни...

Перед ним расступились, Толстой помог одеться М^{арии} В^{асильевне}.

— Понятно, почему нельзя Вас провожать, — шёпотом прозвистел в ухо М^{арии} В^{асильевне} Филатов, — конкуренция солидная.

Алексей Николаевич взял М^{арии} В^{асильевну} под руку, и, пока они не вышли, их провожал шёпот: «Алексей Толстой...». Он не мог не поражать воображения, особенно женщин. Он был очень хорош... редкостно!

На улице еле заметным движением руки Алексей Николаевич подозвал поджидавшего его лихача.

— Смотрите, Маничка, какая лошадь! Какая она гордая! Люблю красивых лошадей...

— Это у Вас от Алексея Аполлоновича (Бострома), он о лошадях мог говорить часами.

На лицо Толстого как тень набежала. М^{ария} В^{асильевна} не знала, что Александра Леонтьевна¹⁸ умерла ещё в 1906 году и тогда всё распалось. Бостром оказался чужим, далёким. «Вот это быстрый бег, — заговорил Алексей Николаевич, — стремительный полёт вперёд... чего-то ждёшь... Ах, как бежит! Красота! Надо находить красоту, надо видеть её. В жизни много красоты... надо только уметь её видеть, чувствовать...».

Толстой говорил как-то рассеянно, как сам с собой, и М^{ария} В^{асильевна} казалось, что он думает напряжённо о чём-то совсем о другом. Санки быстро неслись, в лицо ударял снег.

— Лёша, куда же мы едем?

— Как куда? На Невский... одно важное дело... мне необходимо...

М~~ария~~ В~~асильевна~~ встревожилась: час поздний, давно пора домой, живёт она далеко на окраине Васильевского острова, на берегу Малой Невки, но сказать вслух о своей тревоге не решилась.

— Ах, да! Маничка, — спохватился Толстой, как будто только что вспомнил о её присутствии. — Ну, а как же Ваши братья? Что с ними стало?

— Вечные студенты... пьют... в карты играют... Не стоит о них говорить... Одно сплошное несчастье... Лучше о себе что-нибудь расскажите, Лёша, о Вашей жизни, ведь Вы писатель, — с восхищением прошептала М~~ария~~ В~~асильевна~~.

— Писатель?.. Да, я буду писателем! Жизнь так прекрасна, Маничка, но как сложна!.. Нет, мы совсем не представляем всей этой сложности... Читаем, читаем и не понимаем всей её сложности... Ну, вот, приехали. Вы, Маничка, поезжайте домой. Это ночное кафе — кабак! Вам неудобно...

Толстой ловко выпрыгнул из санок на тротуар и, подавая ассигнацию лихачу-извозчику, серьёзно приказал: «Отвезёшь барышню домой, мигом!». Одежды дорогих извозчиков представляли тогда монументальное сооружение, вроде твёрдой, стёганой башни. Извозчик не смог повернуться, и относительно свободной была у него только голова. Повернув вполоборота голову, извозчик с недоумением спросил:

— Куда прикажете?

— Ах, в самый конец 5-й линии, на Васильевский...

— Слушаюсь.

Полетели по снежным улицам. «Ах, вот так бы и нестись всё вперёд! Вперёд...».

<...>

Их была целая колония, и среди них много было итальянцев: скульптор Гризелли¹⁹, декоратор Джиованни Гранди²⁰ и без определённой специальности Йозеф-Марио-Нэри²¹ и другие, имена которых теперь забыты. «Вы с этим Нэри поострожней, — предупреждал М~~арии~~ В~~асильевну~~ Всеволод Филатов, — он, чёрт знает его, кто такой: он и художник, и певец, и скульптор, и фокусник, просто *<нрэб. >* шпион! Зачем он Вас водил к заводу?».

— Так ведь завод-то на острове, а мы стояли на другой стороне, на берегу, просто любовались небом...

— Небом? Знаем мы эти небеса! Вот угонит Вас куда Макар телят не гонял, тогда узнаете небо!

Но М^{ария} В^{асильевна} не только не послушалась этих предостережений, а стала давать Нэри уроки русского языка, а он ей — уроки французского. Встречались они в 9 часов утра, а потом Нэри, элегантный, в коротком пальто и высоком цилиндре, провожал М^{арии} В^{асильевну} на курсы.

— Это артист? — спрашивали подруги.

— Итальянец!

— Итальянец?! Как интересно!

Со многими русскими художниками встречалась М^{ария} В^{асильевна}, некоторые жили в этом же доме, по соседству с ней: Натан Альтман²², убеждённый, преданный своему народу еврей Нахман²³, писавший только евреев и всегда в глубоко-скорбном виде, в его картинах много было символического, и не все они были понятны без разъяснений. <Ещё был> талантливый крестьянин из бедняцкой семьи Калинин Иван²⁴. Он голодал. М^{ария} В^{асильевна} в своей квартире устроила выставку его этюдов, которые несчастный художник готов был продавать по 3 рубля. Его творчество напоминало Врубеля²⁵: «Памятник на могиле» была грозная картина, она убеждала в скоротечности земного существования. Пейзажи его с глубокой водой так же были зловещи. Этот юноша был дерзок и груб в жизни, он не сумел выйти на торную дорогу, спился и повесился. И только его верный друг Миша Нагорнов²⁶ всегда сохранил память о неудачнике — талантливом Иване. График Д.И. Митрохин²⁷, до предела корректный, молчаливый, нелюдимый, гордый тем, что не бывал на выставках и в театрах, берёг свою самобытность, имел ограниченный круг знакомых, но с женой, талантливым скульптором Брускетти²⁸, никогда не показывался. Если рассказывать обо всех них, надо писать большую книгу.

Утончённый эстет Георгий Крескентьевич Лукомский²⁹ обратил внимание на М^{арии} В^{асильевну} и даже привязался к ней: он заезжал за ней и возил на извозчике по всему Петербургу, показывал редкостные по архитектуре сооружения или постройки, представляющие историческую ценность. Студент академии художеств, архитектурного отделения, Лукомский был влюблён в архитектуру и во всё изобразительное искусство в целом! Он не скучая рассказывал М^{арии} В^{асильевне} всё, что знал об искусстве всех народов, и она умела ценить эти лекции-беседы. Луковский был человек трудолюбивый и необычайно трудоспособный художник. Каждое лето он много путешествовал и без конца писал. Его своеобразная живопись была вполне реалистической и по рисунку, очень точно-му, всегда включала архитектурные мотивы, которые отражал

он в совершенной форме, но колорит его картин отражал мрачную предреволюционную эпоху. Перед его картинами на выставках «Мира искусства» зрители стояли грустные, молча, задумавшись. Его произведения очаровывали своей проникновенностью, глубокой грустной красотой, верностью и изяществом рисунка, благородством колорита.

Лукомский возил М^{арии} В^{асильевну} в общество «Старый Петербург»³⁰, где доклады всегда иллюстрировались диапозитивами. Под влиянием этих докладов в ней зародилась любовь к архитектуре и мечты на архитектурные темы, она до сих пор останавливается перед пустырями и начинает фантазировать: что тут построить, как создать интересный городской пейзаж?

Председателем в обществе «Старый Петербург» был граф Сюзор³¹, изысканный француз, тогда уже стариk, но без всякой дряхлости. Приветливый (гостей в обществе бывало мало) и умный, он был представлен Лукомским М^{арии} В^{асильевне}, и она смотрела на Сюзора во все глаза, как на чудо чудное и диво дивное — так утончённо-почтительно было его обращение с дамой.

Однажды Лукомский повёз М^{арии} В^{асильевну} на студенческий бал в Академию художеств. Эти балы славились своим остроумием и непринуждённым весельем. Они были тем необычны, что там собирались люди, преданные искусству и влюблённые в него. Эта общность чувства роднила самых разнообразных людей и ослабляла классовые чувства, а может быть революционное сознание ещё недостаточно тогда проникло в среду молодёжи и художников, но изысканно одетый [во фрак] художник вполне дружественно беседовал с юношой в потёртом пиджаке с прорваными локтями, и бедняцкий костюм последнего не мешал ему гордо носить голову. Политикой эти студенты занимались мало, и разделение художников по различным обществам, диаметрально противоположным по своему идейному направлению, квалифицировано точно уже *post factum*. Конечно, теперь в этом разобраться легче, когда с математической точностью выявлены все цели, построены планы, а тогда, в предреволюционные годы, ведь никто не занимался политическим просвещением всей массы молодёжи, и неразберихи было много, и во многих было много противоречий, а больше всего метаний и шатаний то в одну, то в другую сторону. Но есть качества, присущие молодости, независимо от переживаемой эпохи, и в ту мрачную эпоху молодёжь была жизнерадостна. Поехали на бал целой компанией: чета Филатовых. Люся с поклонником. Этот артист балета славен был тем, что с большим успехом учился в университете, был даже

оставлен при кафедре истории, и злые языки в газете написали, что Михайлов³² путём «жете», «содебаска», «туроў» идёт на университетскую кафедру. Но супруга его, будучи вдвое старше талантливого юноши и будучи уже солисткой Мариинского балета, крепко держала своего юнца в руках, и чем всё это кончилось — не знаю.

В нашей компании все три дамы — Саночка³³ с белоснежным телом и волосами иссиня-чёрными, смуглая, как мулатка, Люся Одинец³⁴, умная и содержательная девушка, впоследствии жена видного революционера, и белокурая, золотистая М^{ария} В^{асильевна} — были настолько различны по тому, что одна подчёркивала эффект другой во всех комбинациях! Художники сразу обратили на них внимание, и в большом выставочном зале молодёжь окружила их, быстро завязывались знакомства... Концертное отделение уже кончилось, танцы происходили в другом зале, смягчённые звуки оркестра составляли подходящий фон для приподнятого настроения, действовали массовые игры, и среди них — старозаветная бальная почта. «Золотистой даме, в золотистом платье с белым шарфом!». Тогда в моде были прозрачные шарфы величиной с простыню, и умение драпироваться в этот шарф не всем давалось.

«Вам, Вам!» — записку передали М^{арии} В^{асильевне}. «Ты нерасчётливо смеёшься, — читала она, — храни улыбку, это клад! А впрочем... если мне ты улыбнёшься, я буду очень рад». Вместо подписи — «Экспромт».

— Где же автор этого экспромта?

— Вот он уже перед Вами! — отвечал ей белокурый художник, и всё в нём ликовало и смеялось: лучистые глаза, пышные волосы, губы, зубы и ямки на щеках. И как же весело хохотали они, глядя друг на друга:

— Давно вы сочинили этот экспромт?

— Ещё в начале вечера.

— И многим разослали?

— Всем весёлым дамам, ведь мы собирались веселиться!

И опять все дружно хохотали, хохотали без особых причин, просто потому, что были молоды и всем казалось, что впереди у них бесконечность! Мысль о смерти не посещала их!

— А всё же, что было на концерте? — спросила Люся.

— Да, пожалуй, самое интересное — рассказ Алексея Толстого, только уж читает он очень плохо, бубнит себе под нос, трудно слушать.

— Алексея Толстого? А мы прозевали! Ну, как же это?! — с отчаянием качала головой М^{ария} В^{асильевна}, — все вы франтихи,

одевались три часа! Всё интересное пропустили... А где же Толстой? Уехал?

— Нет, вероятно, в артистической. Для артистов ужин будет, — со вздохом сказал бедный художник, редко обедавший.

— Где артистическая? Идёмте туда!

— Ну, что Вы, как это можно, мы же не артисты! Туда нельзя всем ходить...

— Я пойду, мне необходимо его видеть.

Подруги пытались остановить М_{арии} В_{асильевну}, но она была непреклонна в своих желаниях.

— Ну, проводите меня, — просила она, обращаясь неизвестно к кому.

— Извольте, я провожу Вас до артистической, — холодно сказал Лукомский, подавая ей руку.

М_{ария} В_{асильевна} ликовала: «Пройтись под руку с таким элегантным красавцем, небезызвестным художником...». О, сколько ещё в ней было мелкого тщеславия.

Перед аншлагом на двери «Артистическая» Лукомский остановился и ледяным голосом сказал: «Вот артистическая, я туда не пойду, а Вы, если находите это удобным...». Он прищурил свои прекрасные глаза, его лицо с тонкими чертами окаменело. Ведь он тоже, хотя и захудалый, но был польский граф и толк в приличиях знал.

Оставив Лукомского, М_{ария} В_{асильевна} смело вошла в артистическую. Вошла и окаменела: там не было ни одной дамы! Вся кровь прилила к её лицу, она чувствовала, как краснеет её декольтированная шея, грудь... Артисты и знаменитые художники во фраках и сюртуках, важные, как боги, восседали в глубоких креслах и тихо вели беседу...

Граф Сюзор выручил М_{арии} В_{асильевну}, с любезным приветствием он подошёл к ней. «Я зашла поблагодарить Алексея Николаевича за его прекрасный рассказ...».

К счастью, Толстой сидел поблизости. Он встал и по всем правилам этикета, склонив голову, ждал руки М_{арии} В_{асильевны}, еле коснулся губами кончиков её пальцев и что-то пробормотал. «Все в восторге от Вашего рассказа! (Боже, что я говорю, какая пошлость, какая глупость!)... До свидания!». М_{ария} В_{асильевна} так же внезапно вылетела, как и ворвалась. Художники улыбнулись: «Какая непосредственность...». И продолжили свою беседу. Лукомский покорно ждал у артистической и ехидно улыбнулся, увидев смущённое лицо М_{арии} В_{асильевны}. «Что, нарвалась?» — говорил его взгляд и без того уничтоженной М_{арии} В_{асильевне}

<...>

В лабораториях М^{ария} В^{асильевна} работала с увлечением <...> Вот в лабораторию влетает одержимая всякими общественными делами, с выпученными синими глазами за стёклами пенсне и неистовой гривой растрёпанных белокурых волос Ида Нахимсон³⁵:

— Маруся, Маруся! Вы не из Самары?

— Да, моя родина Самара. А что случилось?

— А Вы знаете, что писатель Алексей Толстой тоже из Самары? — исступлённо кричит Ида.

— Ну, конечно, знаю... Мы вместе росли... Друзьями были, — грустно говорит М^{ария} В^{асильевна}, и сердце её сжимается. Ах, как давно всё это было, и как прекрасно...

Но Ида уже схватила М^{арию} В^{асильевну} в объятия и вертит её, как вихрь, в диком танце и бешено кричит: «Ура! Ур-р-ра! Друзья были! Дело в шляпе». Ах, плясать М^{ария} В^{асильевна} всегда готова: они вальсируют, и их длинные юбки взлетают выше лабораторных столов. Подруги импровизируют музыку: трам-тэррам! там! там, там! там! трам-тар-ра-ра-рам!

— Черти, посуду перебьёте, перестаньте!

Запыхавшиеся «чертти» хоочут и садятся на высокие табуреты.

— Ну?

— Что ну? Поезжайте к Толстому и просите, чтоб обязательно читал свой рассказ!

— Где, когда, кому?!

— Вот, никогда ничего не знают! А туда же, курсистки! — возмущается Ида. — Через две недели земляческий вечер: надо землячкам неимущим помочь?! А главное, — шёпотом добавляет она, — ссылы-ным политическим надо помочь... И опять исступлённо громко: «А дела-то по горло: разыскать бесплатных исполнителей, артистов, помещение, всякие там киоски, декорации, цветы, бутоны-ки чёрт-тобы, у губернатора выхлопотать разрешение!», — потрясает Ида высоко поднятыми кулаками.

— Так вот, значит, пригласите Толстого и будете заведовать «Артистической»!

— А что это значит?!

— Ну, значит, встречать их, улыбаться им, занимать разговорами, угощать. Для артистов еду соорудим, ну, там фрукты, пирожное, вино... С артистами иначе нельзя... Вот чёрт! — хлопнула Ида себя по лбу. — Чуть не забыла: ведь карету для артистов надо! Вы понимаете, — обратилась она за сочувствием к работающим, — мы пёхом,

а им подай карету и отвези в карете, да ешё с провожатым, а провожатый-студент должен быть хорошо одет! Ну, где столько взять?!

Ида с отчаяние звонко шлётнула по своим толстым бёдрам.

— Послушайте, Ида, Толстого я, конечно, приглашу, мне даже интересно с ним встретиться, а вот Артистической... Вы бы кого другого!

Эти слова М^{арии} В^{асильевны} вызвали бурное возмущение Иды:

— Что?! Что такое? Нет, вы посмотрите на это чудовище! Курсистка называется! Ей, видите ли, это интересно, а это не интересно! Да поймите Вы, — Ида больно застучала костяшкой пальца по лбу М^{арии} В^{асильевны}, — Вы дама из общества, у Вас муж учёный, у Вас туалеты есть! Вы приличия знаете!

М^{ария} В^{асильевна} сомнительно покачала головой.

— С этим делом покончено! Вы заведуете Артистической и во всём отчитаетесь перед землячеством.

Ида по-мужски крепко пожала руку М^{арии} В^{асильевне} и вихрем вылетела из лаборатории.

Одевшись по возможности элегантно, М^{ария} В^{асильевна} отправилась с приглашением к А.Н. Толстому. Дверь ей открыла высокая красивая брюнетка в строгом бархатном платье. «Это жена»³⁶, — определила М^{ария} В^{асильевна} и улыбнулась:

— Я желала бы видеть Алексея Николаевича.

— Его нет дома, — сухо, без улыбки ответила дама.

— Тогда разрешите оставить ему записку, я от Самарского студенческого землячества... Мне поручено пригласить Ал^{ексея} Ник^{олаевича}.

— Пожалуйста.

Но М^{ария} В^{асильевна} на лице графини прочла явное недоверие, ей стало весело. М^{ария} В^{асильевна} села за письменный стол и стала писать, а графиня остановилась за её спиной и пыталась прочесть, что она пишет.

Ах, так, — мысленно возмутилась М^{ария} В^{асильевна}, — Вы не верите, что я курсистка, так как ^я в чёрной шляпе со страусовым ^{нрзб.}. Вы, графиня, унижаетесь до ревности, и у Вас не хватает даже гордости скрыть её за любезной улыбкой... Так вот же Вам! — и, обернувшись с милой улыбкой, М^{ария} В^{асильевна} очень вежливо спросила: «Может быть, у Вас найдётся конверт?».

Графиня так же сурово, молча подала конверт. М^{ария} В^{асильевна} спокойно, медленно перечитала написанное, вложила в конверт и запечатала.

— Простите, как Ваше имя-отчество? — с изысканной вежливостью спросила М^{ария} В^{асильевна}.

— София Исааковна.

— София Исааковна, а в какие часы можно А^{лексея} Н^{иколаевича} застать лично?

— В послеобеденное, часов в 7 вечера.

Дня через три М^{ария} В^{асильевна} опять звонила в квартиру Толстого. Дверь открыл сам Ал^{ексей} Ник^{олаевич}. Вид у него был очень усталый, волосы растрёпаны.

— Ах, Маничка, вот хорошо, что Вы меня застали, а то мне скоро уходить... Я прочёл Вашу записку, конечно, я согласен и даже с большим удовольствием приеду к землякам, но у меня два условия, и Вы их хорошо запомните и выполните: 1) Вы купите том моих рассказов, он стоит недорого, один рубль, но у меня нет этого тома, и привезёте на вечер, и 2) Вы обязательно пригласите пианистку Веру Поповой³⁷ [(как потом стало известно, это дочь профессора Попова, изобретателя радио³⁸)]. Если Вы её не пригласите, я читать не буду, — это моё условие. Она прекрасная, талантливая пианистка.

А^{лексей} Н^{иколаевич} написал адрес Поповой и передал М^{арии} В^{асильевне}:

— Не потеряйте... И её нужно пригласить, как хорошую артистку, приехать за ней в карете и отвезти в карете...

М^{ария} В^{асильевна} на всё молча кивала головой.

В комнате был большой беспорядок: все вещи явно сдвинуты со своих мест, в углу большой грудой лежал синий ковёр, над роялем на высоком древке висело военное знамя, ветхое, неопределённого цвета с какими-то вензелями; оно привлекло внимание М^{арии} В^{асильевны}.

— Это знамя сохранил мой дед, против французов воевал, Родину защищал! — с гордостью сказал Толстой. — Вот видите, сколько на нём дыр от пули...³⁹

М^{ария} В^{асильевна} вздохнула:

— Как страшно на войне.

— Нет, когда знают, за что воюют, не страшно, — твёрдо сказал Толстой.

— Ну, я не смею больше отнимать у Вас время... До свидания...

— Нет-нет, Маничка, Вы погодите, у меня ещё есть время... Мы сюда недавно переехали (квартира была на Петроградской стороне, недалеко от пл^{ощади} Льва Толстого, на одной из боковых ул^{иц} от Большого пр^{спекта}). — Автор), и вот я всё переставляю... Но до черта тяжёлые вещи, старинные все, красное дерево, воро-

чал-ворочал, измучился... А хочется всё лучше устроить. Вы знаете, Маничка, я очень счастлив... Я так счастлив, то я даже никогда не представлял, что человек может быть так счастлив... У меня ребёнок, Маничка, чудная девочка Марианочка...⁴⁰ Это такое счастье иметь настоящую семью... Идёмте, я покажу Вам девочку...

Мы вошли в соседнюю комнату. Среди большой пустой комнаты стояла белая колыбель-коляска. Там в белом конверте спал грудной ребёнок.

— Ну, смотрите, Маничка, какая прелесть, какая она беленькая, какая красавица.

Красавица крепко спала и посапывала носиком.

— Ах, как жаль, что спит... Вы бы видели, Маничка, как она улыбается мне... Становится вся лучезарная...

Толстой потыкал ребёнка пальцем: «Марианочка! Марианочка!».

— Что Вы, А^{лексей} Н^{иколаевич}, нельзя будить ребёнка, дети должны много спать! — М^{ария} В^{асильевна} считала себя опытной матерью, у неё было уже трое детей.

— Да, спит, и матери нет дома, — грустно говорил Толстой. Он был совершенно обалделый от счастья.

М^{ария} В^{асильевна} невольно вспомнила Юлю Рожанскую, их первую, целомудренную и преданную любовь: ведь это не Даша Телегину, а Юля ему, Толстому, сказала в первую брачную ночь: «Ну, пойдём...». Любовь Алексея была так чиста, что он боялся неосторожным словом, неосторожным движением обидеть Юлю, он так берёг их чистую любовь. «Где же всё это? — с ужасом думала М^{ария} В^{асильевна}. — Значит, прав он был, когда говорил: любовь — чувство скротечное!..».

Вскоре совершенно случайно на одной из шумных площадей М^{ария} В^{асильевна} встретила Юлю Рожанскую с её вторым мужем профессором-медиком⁴¹. Оба они были богато одеты, гуляючи шли неторопливым шагом, и вид у них был в высшей степени благополучным и довольным. М^{ария} В^{асильевна} остановилась поражённая, а Юля так просто, со свойственной ей исключительной искренностью, подошла с приветливой улыбкой: «Вот приятная встреча! Маничка, это мой муж, профессор Н, мы очень счастливы!». Глаза у Юли сияли. Профессор, лет пятидесяти, почти совсем седой, упитанный, солидный, приподнял котелок и также приветливо поздоровался с М^{арийей} В^{асильевной}.

— Мы земляки с Юличкой, — смущённо говорила М^{ария} В^{асильевна}. Ей было странно, что она называет Юличкой эту

полную, величественную, в каракулевом пальто, с крупными бриллиантами в ушах, даму. Ничего же общего нет между поэтичной одухотворённой Юлей, невестой Толстого, и этой важной дамой, женой профессора, и сама эта дама — уже практикующий врач, специалист по детским болезням.

Бал самарского землячества происходил в университетской студенческой столовой <...> М^{ария} В^{асильевна} увидела входящего Ал^{ексея} Ник^{олаевича} Толстого под руку с Соф^{ьей} Исааковной. Лицо у Толстого было серьёзно и замкнуто. Чёрный сюртук придавал строгости всей его фигуре. С^{офья} И^{сааковна} была прекрасна, как греческая богиня. Она и одета была соответствующим образом: огромное декольте обнажало не только грудь, но и большую часть стройной белоснежной спины, платье, свободной туникой спадая тяжёлыми складками, обрисовывало прекрасную фигуру, вся белая, высокая, гордая, она улыбалась с царственной милостью.

Толстой отвёл М^{арии} В^{асильевну} в сторону:

— Купили том моих рассказов?

— Конечно, — уверенно отвечала М^{ария} В^{асильевна}.

— Дайте, я выберу что читать.

М^{ария} В^{асильевна} обратилась к конферансье.

— У меня нет никакого тома, — растерянно ответил студент.

Это услышал Толстой и сразу вскипел:

— Что же Вы наделали?! Я приготовился читать, приехал. В какое же положение Вы ставите меня?

Рассердился он не на шутку, и М^{ария} В^{асильевна} готова была заплакать, не зная, как поправить беду, но расстроенный конферансье вдруг что-то придумал.

— Мишка, — крикнул он товарищу-студенту, — вот тебе деньги — скажи!

Мишка со всех ног бросился к двери, его так задёргали в этот вечер, он выполнил столько всевозможных поручений, что обалдел уже до состояния полной прострации.

— Ну, куда бросился, ты выслушай. Там у нас для разъездов извозчик стоит, скажи на Владимирский. Там хозяин живёт при книжном магазине, ты к нему со двора. Нет хозяина, пусть жена или кухарка, сам залезь в магазин, но без книги Толстого не возвращайся!

Мишка исчез, и меньше, чем через час, Толстой пересматривал томик своих рассказов. Читал он во втором отделении, и вряд ли те, кто сидели дальше третьего ряда, поняли, о чём он читал, так невнятно, бормочущим говорком читал он перед публикой. Очевид-

ным было только его крайнее стеснение. Но он был уже популярен среди молодёжи, и студентам важно было видеть самого автора, а такая манера чтения была у большинства литераторов того времени. Эта манера не помешала бурной овации, и настроение Толстого поднялось.

После него выступал Алексей Иванович Сахчинский⁴² — тогда молодой студент университета. Он пел Пуччини, арию Каварадосси, и оказался гвоздём вечера. Подлинный драматизм, блестящие верхние ноты, твёрдые и звонкие, как металл, привели зал в полное неистовство. Так закончился этот памятный концерт.

Толстой и вся компания, приехавшая с ним, оставались со студентами до конца вечера. Студенты и курсистки гурьбой окружили Толстого, расспрашивали его о героях его произведений, о его замыслах на будущее. В этом же зале образовались различные хоры: в одном углу пели «Рэвэт ай стонэ Дніпр широкий...», в другом раздавалась дерзкая «Дубинушка». Басы, по-видимому, слегка подвыпившие, обособились и ревели как породистые быки: «Гаудеамус игитур», но слов не знали и начинали всё сначала. В средине, окружённые кольцом зрителей, два студента исступлённо плясали русскую, поражая своими плясовыми выдумками и виртуозностью. Все артисты были в приподнятом настроении и от выпитого вина, и от успеха, говорили все разом, много смеялись.

М^{ария} В^{асильевна} чувствовала себя совершенно выпотрошенной и, когда приехала домой, ей казалось, что возвратилась её пустая оболочка.

Публикуется по авторской рукописи: *Неустроева М.В.* От юности до старости. Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького. Книга поступлений-14883.

Выражаем благодарность А.Л. Соболеву за ряд биографических справок.

¹ С.А. Венгеров (1855–1920) — литературный критик, историк литературы, библиограф; в 1910 г. был избран профессором Бестужевских курсов.

² Д.Н. Овсяннико-Куликовский (1853–1920) — литературовед, лингвист, с 1905 г. профессор Санкт-Петербургского университета и Бестужевских курсов.

³ Н.Е. Введенский (1852–1922) — физиолог, с 1908 г. профессор Психоневрологического института, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

⁴ М.М. Ковалевский (1851–1916) — историк, социолог, публицист, с 1899 г. — член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

⁵ Скорее всего, имеются в виду журналист, социал-демократ Всеволод Владимирович (далее Неустроева, вероятно, ошибочно обозначает его инициалы как В.Н.) Филатов (1878–1938) и его жена Александра Иосифовна (см. примеч. 33).

⁶ Речь идет о Петербургском Религиозно-философском обществе (1907–1917). В.В. Филатов принимал участие в его заседаниях [8, т. 3, с. 550].

⁷ Д.М. Герценштейн (1848–1916) — врач, публицист, автор мемуаров «Тридцать лет тому назад» (1907).

⁸ П.М. Невежин (1841–1919) — драматург, автор пьес «Вторая молодость», «Поруганный» и др.

⁹ М.Н. Ермолова (1853–1928) — драматическая артистка Малого театра.

¹⁰ П.Б. Струве (1870–1944) — общественный и политический деятель, публицист, социолог.

¹¹ Ф.Д. Батюшков (1857–1920) — литературный и театральный критик, историк литературы. Внучатый племянник поэта К.Н. Батюшкова.

¹² С.С. Кондурушкин (1874/75–1919) — прозаик, журналист, автор прозаического цикла «Из скитаний по Сирии».

¹³ М.А. Кузмин (1872–1936) — поэт, прозаик и композитор.

¹⁴ Андрей Белый (Б.Н. Бугаев; 1880–1934), поэт, прозаик, приезжал из Москвы в Петербург в январе–марте 1910 г. [4, с. 388].

¹⁵ Д.В. Философов (1872–1940) — публицист, критик, религиозно-общественный и политический деятель, один из организаторов объединения «Мир искусства».

¹⁶ «Речь» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, издававшаяся в 1906–1918 гг.

¹⁷ Романы Д.С. Мережковского (1865–1941) «Смерть богов. Юлиан Отступник» (1895), «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (1901), «Антихрист. Пётр и Алексей» (1904), объединенные в трилогию «Христос и Антихрист».

¹⁸ А.Л. Толстая (1854–1906) — мать А.Н. Толстого.

¹⁹ Итало Орландо Гризелли (1880–1958) — итальянский скульптор.

²⁰ Иван Антонович (Джованни) Гранди (1886–1963) — художник-итальянец, с 1913 по 1922 гг. работавший в России; сосед и приятель Н.И. Альтмана.

²¹ Сведения не установлены.

²² Н.И. Альтман (1890–1970) — живописец, художник-авангардист, скульптор.

²³ Сведения не установлены.

²⁴ Сведения не установлены.

²⁵ М.А. Врубель (1856–1910) — художник.

²⁶ Сведения не установлены.

²⁷ Д.И. Митрохин (1883–1873) — график, мастер станковой гравюры.

²⁸ А.Я. Брускетти-Митрохина (1872–1942) — скульптор, керамист, график.

²⁹ Г.К. Лукомский (1884–1952) — график, акварелист, историк архитектуры.

³⁰ «Старый Петербург» — общество по изучению и описанию Петербурга, благодаря которому в 1907 г. в доме председателя общества, графа Сюзора, был создан Музей Старого Петербурга.

³¹ П.Ю. Сюзор (1844–1919) — архитектор, академик Императорской Академии художеств

³² Сведения не установлены.

³³ Жена В. Филатова (см. примеч. 5).

³⁴ Сведения не установлены.

³⁵ Сведения не установлены.

³⁶ Женой А.Н. Толстого в 1907 г. (юридически — позже) стала С.И. Дымшиц (1884–1963), художник-авангардист.

³⁷ Сведения не установлены.

³⁸ Скорее всего, это ошибка мемуаристки, в связи с чем эта часть фразы была мемуаристкой зачёркнута.

³⁹ Скорее всего, это — мистификация Толстого. Ср. такой фрагмент из очерка И.А. Бунина «Третий Толстой»: «Переселившись в Москву и снявши квартиру на Новинском бульваре, в доме князя Щербатова, он в этой квартире повесил несколько старых, чёрных портретов каких-то важных стариков и с притворной небрежностью бормотал гостям: “Да, всё фамильный хлам”, — а мне со смехом: “Купил на толкучке у Сухаревой башни!”» (Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 6. С. 291).

⁴⁰ М.А. Толстая (в замужестве — Шиловская) (1911–1988) — дочь А.Н. Толстого и С.И. Дымшиц.

⁴¹ Мемуаристка ошибается: второй муж Ю.В. Рожанской (Толстой) И.С. Смоленков был не профессором-медиком, а купцом первой гильдии, совладельцем торговой фирмы «И. Смоленков и Н. Сидяков». См. о нём: [6, с. 242–243].

⁴² Сахчинский А.И. (1885–1938) — уроженец с. Спиридовка Самарской области.

Литература

1. А.Н. Толстой и Самара. Из архива писателя. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1982. 368 с.
2. Воспоминания об А.Н. Толстом / сост. З.А. Никитина, Л.И. Толстая. М.: Сов. писатель, 1973. 463 с.
3. Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2001. Т. 8. 606 с.
4. Литературное наследство. М.: Наука, 2016. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды / сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад. 1118 с.
5. Перепелкин М.А. А.Н. Толстой в воспоминаниях М.В. Неустроевой. Часть 1. Лёша и Маничка // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 90–122. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-90-122>
6. Перепелкин М.А. «Ходившие по мукам»: самарский код в трилогии А.Н. Толстого. Самара: Научно-технический центр, 2022. 704 с.
7. Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. / сост. А.М. Крюкова. М.: Худож. лит., 1989.
8. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах. 1907–1917: в 3 т. М.: Русский путь, 2009.
9. Рождественская И.С., Ходюк А.Г. А.Н. Толстой. Семинарий. Л.: Учпедгиз, 1962. 362 с.
10. Толстая Е.Д. Ключи счастья. Алексей Толстой и литературный Петербург. М.: НЛО, 2013. 535 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

A.N. Tolstoy in the Memoirs of M.V. Neustrueva. Part 2. Aleksey Nikolaevich and Mariya Vasilievna

© 2024. Mikhail A. Perepelkin

Samara National Research University,
Samara, Russia

Samara Literary and Memorial Museum M. Gorky,
Samara, Russia

Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky,
St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at the Russian Christian Academy for the Humanities with the financial support from the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00699 “A. Tolstoy as a Mirror of Russian History and Culture of the Soviet Era” (<https://rscf.ru/project/24-28-00699/>).

Abstract: This publication of fragments of the memoirs of M.V. Neustrueva (1885–1961) is a continuation of the publication presented in the previous issue of the journal. Having moved to St. Petersburg in 1909, Neustrueva entered the Bestuzhev Courses. She became an active participant and visitor to various literary, artistic, and other salons and societies, where she met many famous artists. Some of these meetings, as well as her ongoing acquaintance with recent Samara resident Aleksey Tolstoy, she described in her memoirs, which are a unique document that reveals in a new way both the life of the capital, seen through the eyes of a recent provincial and Tolstoy, whose rise to fame began quite recently but was confident and became more and more intense day by day. The introductory article preceding the publication reveals some biographical aspects of Aleksy Tolstoy’s life against the background of which the events described by Mariya Neustrueva unfolded.

Keywords: A.N. Tolstoy, M.V. Neustrueva, Petersburg, cultural life of the 1910s, Religious and Philosophical Society, “Old Petersburg” Society, Academy of Arts, student evenings.

Information about the author: Mikhail A. Perepelkin, DSc in Philology, Director, Samara Literary Memorial Museum named after M. Gorky, Frunze St., 155, 443010 Samara, Russia; Professor, Samara National Research University, Moscow Hwy., 34, 443086 Samara, Russia; Researcher, Russian Christian Academy for Humanities, Fontanka River Emb., 15, 191011 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

E-mail: mperepelkin@mail.ru

For citation: Perepelkin, M.A. “A.N. Tolstoy in the Memoirs of M.V. Neustrueva. Part 2. Aleksey Nikolaevich and Mariya Vasilievna.” *Literaturnyifakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 106–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-106-137>

References

1. A.N. Tolstoi i Samara. Iz arkhiva pisatelia [A.N. Tolstoy and Samara. From the Writer's Archive]. Kuybyshev, Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'svo Publ., 1982. 368 p. (In Russ.)
2. Vospominaniia ob A.N. Tolstom [Memories of A.N. Tolstoy]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1973. 463 p. (In Russ.)
3. Gor'kii, A.M. Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 24 t. [Complete Works. Letters: in 24 vols.], vol. 8. Moscow, Nauka Publ., 2001. 606 p. (In Russ.)
4. Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage], vol. 105: Andrei Belyi. Avtobiograficheskie svody [Andrey Bely. Autobiographical Summaries], comp. by A.V. Lavrov, Dzh. Malmstad. Moscow, Nauka Publ., 2016. 1118 p. (In Russ.)
5. Perepelkin, M.A. "A.N. Tolstoi v vospominaniakh M.V. Neustruevoi. Chast' 1. Lesha i Manichka" ["A.N. Tolstoy in the Memoirs of M.V. Neustrueva. Part 1. Lyosha and Manichka"]. Literaturnyifakt, no. 2 (32), 2024, pp. 90–122. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-90-122> (In Russ.)
6. Perepelkin, M.A. "Khodivshie po mukam": samarskii kod v trilogii A.N. Tolstogo ["Walking Through Calvary": The Samara Code in A.N. Tolstoy's Trilogy]. Samara, Nauchno-tehnicheskii tsentr Publ., 2022. 704 p. (In Russ.)
7. Perepiska A.N. Tolstogo: v 2 t. [Correspondence of A.N. Tolstoy: in 2 vols.], comp. by A.M. Kriukova Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. (In Russ.)
8. Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde). Istoriiia v materialakh i dokumentakh. 1907–1917: v 3 t. [Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd). History in Materials and Documents. 1907–1917: in 3 vols.]. Moscow, Russkii put' Publ., 2009. (In Russ.)
9. Rozhdestvenskaia, I.S., and A.G. Khodiuk. A.N. Tolstoi. Seminarii [A.N. Tolstoy. Seminar]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1962. 362 p. (In Russ.)
10. Tolstaia, E.D. Kliuchi schast'ia. Aleksei Tolstoi i literaturnyi Peterburg [Keys to Happiness. Alexey Tolstoy and Literary Petersburg]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 535 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.02.2024
Одобрена после рецензирования: 07.05.2024
Дата публикации: 25.09.2024

The article was submitted: 10.02.2024
Approved after reviewing: 07.05.2024
Date of publication: 25.09.2024